

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

ТАЁЖНЫЙ МУЖИК. КОНТРАКТ НА ДВОИХ

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова
Таёжный мужик.
Контракт на двоих**

<https://litres.ru/74554173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — столичная бизнес-леди, привыкшая побеждать. Он — таёжный отшельник, выращивающий чудо-грибы в древних штольнях. Диана приезжает в Карелию за контрактом, но обвал, покушения и корпоративные интриги запирают их наедине. Между гранитом и московской хваткой вспыхивает страсть. Смогут ли два сильных одиночества спасти ферму, разоблачить предателя и найти своё счастье? Атмосферный роман о любви, тайге и мужчине, который не отдаёт своё.

Содержание

Глава 1. Каменный плен	5
Глава 2. Хозяин гранита	14
Глава 3. Рубаха великана	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктория Шнайдер

Таёжный мужик.

Контракт на двоих

Таёжный мужик. Контракт на двоих

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Каменный плен

Я захлопнула тяжелую дверцу арендованного кроссовера и тут же с досадой ощутила, какую оплошность совершила перед вылетом из Шереметьево. Ветер с Онежского озера хлестал по лицу влажной ледяной крупой. Тонкая металлическая набойка двенадцатисантиметровой шпильки модельного замшевого сапога с сухим хрустом ушла в промерзшую гранитную кашу. Свинцовое октябрьское небо нависало над старым карьером так низко, словно готово было раздавить скалы вместе со мной, чахлыми карельскими соснами и брошенными бревенчатыми строениями на краю обрыва.

На экране айфона вспыхнуло сообщение от Вадима: «Диана Игоревна, совет директоров ждет подписанный контракт к завтрашнему утру. Если отшельник выставит тебя за дверь — обратный билет покупаешь сама. Твой отдел переходит под мое прямое управление».

Я сжала челюсти и спрятала телефон в карман приталенного кашемирового пальто цвета графита. Не дожدهшься, Вадим. Пять лет безупречной работы во главе департамента закупок холдинга «Столичный Гастрономический Альянс» не перечеркнет ни твоя возня, ни этот медвежий угол.

— Слышь, барыня! — сиплый окрик заставил меня обернуться.

Из-за ржавой дробилки ковылял Михалыч — мужичонка

с бегающими мутными глазками в засаленной телогрейке и стоптанных кирзачах. От него разило перегаром, махоркой и сырой овчиной. Он нервно теребил воротник, косясь на чернеющий зев штольни: — Не ходи туда! Гора с обеда гудит, камнепад чует. Шахов строго велел чужих близко не пускать, а то беды не оберешься! Разворачивай машину, пока цела!

Я смерила его тем самым ледяным взглядом, от которого в московском офисе цепенели нерадивые аудиторы: — Твой Шахов мне не указ, Михалыч. Пять тысяч задатка ты уже спрятал в карман. Либо берешь фонарь и светишь вперед, либо я забираю деньги назад, а в поселок ты пойдешь пешком под метелью. Контракт я подпишу, даже если придется ползти на четвереньках.

Михалыч сплюнул табачной слюной, но жадность победила. Он щелкнул тумблером тяжелого фонаря, высветив наклонный пандус, и я решительно шагнула следом за ним под гранитный свод.

Могильный сырой холод моментально полез под тонкие перчатки. На третьем шаге под левой ногой предательски хрустнул скрытый натек льда. Лодыжка резко подвернулась, тонкий супинатор треснул, и острая боль прошла ногу до колена. Я едва удержалась, опершись ладонью о мокрый гранит. Идти на сломанном каблуке по наклонным шпалам было невозможно. Я стянула левый сапог, обломила поврежденный каблук о край шпалы и снова натянула его. Потом зажала каблук правого сапога в расселине камней и налегла

всем весом. Пластик хрустнул и отвалился. Теперь обе подошвы хотя бы плотно прижимались к породе. Острый щепень жег ступни ледяными иглами, но я упрямо шла вперед.

Мы углубились в штрек метров на сто пятьдесят. Каменные стены сочились влагой, с неровного свода звонко срывались капли. Воздух становился густым, напоенным ароматом прелого леса, сосновых опилок и чистого, сильного грибного духа.

Внезапно под подошвами дрогнула земля. Низкий гул из глубины массива ударил по ушам свинцовой волной: — Мать честная! Крепь пошла! — в ужасе взвизгнул Михалыч.

Мужик в панике выронил фонарь, ослепив меня вспышкой луча, и рванул назад. На бегу его плечо со всего маха врезалось в подгнившую дубовую стойку оклада. — Стой, идиот! — крикнула я, пытаюсь перехватить его за скользкий рукав, но пальцы сорвались.

Дуб жалобно застонал. Над головой раздался оглушительный треск, похожий на артиллерийский залп. Пятитонная гранитная плита козырька рухнула вниз. Сработал чистый инстинкт: я бросилась плашмя в узкую выемку старого водотводного лотка, закрывая голову кожаной сумкой холдинга.

Удар был страшной силы. Меня подбросило на каменном полу. Грохот оглушил меня, вслед за ним хлынул шквал пыли. Мелкие камни забарабанили по спине. Я закашлялась, уткнувшись в воротник пальто, и замерла.

Когда пыль осела, в луче придавленного фонаря я уви-

дела сплошную стену из гранитных глыб и расколотых бревен. Выход был запечатан наглухо. Впервые весь мой столичный статус и деньги обратились в ничто перед слепой массой древнего камня.

Паника длилась лишь мгновения. Прислушавшись сквозь ткань шарфа, я различила мерный рокот: в глубине штольни работал мощный промышленный дизель-генератор, а сквозь щели тянуло теплом и смолистым ароматом боровиков. Ферма существовала. Вересов был там.

Я попыталась подняться, но острый скол гранита прошил поврежденную подошву сапога, прорезал капрон и распорол левую стопу. Горячая кровь хлынула по пальцам. Сжав зубы, я с силой рванула шелковую подкладку пальто. Я стянула левый сапог, сложила ленту жаккарда вдвое и затянула давящую повязку вокруг стопы морским узлом, которому меня учил отец. С трудом втиснув забинтованную ногу обратно, я потянула молнию; та заела на щиколотке.

Достав айфон, я нажала кнопку. Экран вспыхнул и тут же выскользнул из онемевших пальцев, ударившись о камень. Стекло брызнуло паутиной трещин, дисплей мигнул издевательским «Нет сети» и погас.

Я сунула мертвый телефон в карман. Фонарь у завала мигнул и погас. Вокруг сомкнулась тьма, а выход погребло камнями. Внутри поднялась волна упрямого бешенства. Вытянув руки, я нащупала ледяную стену и медленно поползла вперед. Камень постепенно становился суше, щеки косну-

ся восходящий ток воздуха из вентиляционного колодца. Я выбралась в сухой штрек и нащупала под руками холодную сталь рельса узкоколейки.

Я села у рельса и попробовала отдышаться. Нашупала обломок шпалы и устроилась на нем, поджав раненую ногу к груди и пряча замерзшие пальцы под мышками. Зубы выбивали непрерывную дробь.

Пальцы наткнулись на тяжелый кованый костыль у рельса. Я попробовала крикнуть: — Помогите! Есть здесь кто-нибудь?!

Сдавленная гортань выдала лишь сиплый шепот, поглощенный толщей скалы. Тогда я перехватила костыль обеими руками и со всей силы ударила по головке рельса.

Дзинь-н-н!

Чистый звон колоколом разнесся по тоннелю. Переведя дух, я принялась методично выбивать сигнал бедствия: три коротких, три длинных, три коротких. Руки ныли от жестокой отдачи, мерзлое железо обжигало кожу, но я колотила снова и снова.

И вдруг сталь под ладонью отозвалась высокой струнной дрожью. Сквозь осыпь, перегородившую внутренний штрек, пробился рев тяжелого перфоратора. Я перестала стучать. Между глыбами осыпалась крошка, и в щель брызнул ослепительный белый луч прожектора.

— В угол жмись, не шевелись! — разорвал тишину густой мужской бас. — Замковый камень сдергиваю!

Раздался металлический хруст, и двухсоткилограммовый валун с грохотом вывалился наружу. В пролом шагнул исполин под два метра ростом, с могучими плечами в плотной брезентовой куртке горняка со стальными щитками на предплечьях. Из-под каски виднелись русая борода и породистое лицо с поразительно ясными серыми глазами.

— Сидеть на месте! — властно скомандовал он.

В этот миг пласт сланца над проломом надломился и пошел вниз прямо на меня. Мужчина отбросил инструмент и слитным броском накрыл меня собой, впечатав в нишу. Я уткнулась лицом в жесткий брезент, пахнувший порохом и хвоей, когда обломок сланца ударил его по каске и скользнул вдоль спины. Он глухо крикнул, сильнее вдавил меня в нишу. Камни с грохотом пронесли мимо нас.

Осыпь затихла. Он медленно распрямился: — Цела? — Кажется... — выдохнула я, пытаюсь встать. — Я в порядке. Я Диана Игоревна Сабурова, начальник департамента...

Но едва я наступила на ногу, перед глазами поплыли черные круги, и щиколотка подогнулась. Мужчина наклонился, подхватил меня под колени и спину и легко поднял на руки, словно охапку цветов.

— Поставьте меня, я сама... — запротестовала я, но пальцы судорожно вцепились в его воротник. — Фёдор Вересов. Молчи, начальница, — веско отрезал он, шагая через щебень. — У тебя кровь хлещет и губы синие. Михалыч наверняка уже Шахову побежал докладывать, что птицу в ловуш-

ку привел. Дыши носом, до тепла тридцать метров.

Его шаги были удивительно мягкими. От его груди сквозь свитер исходило такое первозданное тепло, что озноб отступил. Впереди показался опасный лаз: надломившаяся балка с торчащими ржавыми костылями нависала ниже полутора метров. Фёдор плавно опустился на одно колено, прижал меня крепче, а своей огромной ладонью полностью закрыл мою голову от острых гвоздей. Пригнувшись, он пронес меня под препятствием, закрывая голову ладонью.

В шлюзовом тамбуре гулял ледяной сквозняк, и меня снова заколотило. Фёдор поставил меня на здоровую ногу, придерживая за талию. Расстегнул куртку, стянул тяжелую овчинную безрукавку и укутал меня с головой, затем снова поднял на руки. В этот миг я впервые за долгие годы ощутила абсолютное женское доверие к мужчине, державшему мою жизнь в руках.

Он пронес меня к деревянной двери в конце тамбура.

Тяжелая дверь из мореной сосны с лязгом затворилась, отсекая холод. Мы вошли в просторный жилой модуль, врезанный прямо в скальную каверну.

В углу гудела массивная кирпично-гранитная печь. Сквозь ажурную чугунную решетку дверцы пробивались алые всполохи огня, заливая струганные стены янтарным светом. Пахло сухими сосновыми дровами, чабрецом, березовым листом и теплым льняным маслом.

Фёдор опустил меня на дубовую лавку с овечьей шкурой.

— Мне нужно связаться с Москвой, — начала я. — Мой мобильный разбит, а совет директоров холдинга... Фёдор бросил березовое полено в печь и с металлическим щелчком закрыл дверцу: — Совет директоров подождет до утра, Диана. Если ты сейчас не согреешься, утром понадобится хирург.

Он опустился передо мной на колени. Я потянула ногу под подол, но он уже взял заклинивший левый сапог. Мелкая крошка забила молнию намертво. — Ноги дороже вещей, — негромко сказал он.

Достав из ножен широкий охотничий нож из кованой темной стали, он одним точным движением вспорол замшу от подошвы до щиколотки, освобождая распухшую ногу. Я вспыхнула от ощущения своей незащитности, но Фёдор склонился к ране, разглядывая края пореза. Он аккуратно срезал окровавленный лоскут шелка: — Порез глубокий. Обработаю, перевяжу. Как выберемся — к врачу.

Фёдор принес аптечку и теплую воду. Обхватил мою лодыжку горячей ладонью, придерживая ногу, пока смывал кровь. От контраста его кожи и моего холода перехватило дух. Я закусила губу. Он обработал края пореза, наложил чистую повязку и укрыл ноги льняным полотенцем. Тепло возвращалось медленно, болезненным покалыванием. Я прикрыла глаза и выдохнула, когда он подоткнул ткань под здоровую пятку.

На печи закипел медный чайник. Фёдор налил в глиняную чашку темный, парящий настой. Пахло чагой, лесной мали-

ной, липовым цветом и донниковым медом. — Пей, — он протянул чашку.

Мои пальцы дрогнули, кипяток плеснул на край. Фёдор сам перехватил чашку, достал деревянную ложку, подул на настой и поднес к моим губам: — Мелкими глотками. Согреешься — и пить сама сможешь.

Я послушно пила с его ложки, глядя в серые глаза с искрами печного пламени. Он ждал, пока я проглочу, снова набирал ложку и дул на нее. Я ловила себя на том, что жду каждого его движения. Жар разлился по телу, щеки вспыхнули румянцем.

— Спасибо... — выдохнула я. — Но где здесь связь? Может, на вентиляционном стволе? Фёдор постучал пальцами по черному полированному камню: — Слышишь? Над нами сорок метров гранита и шунгита. Массив глушит радиоволны начисто, а вышка за пятнадцать верст. Забудь про телефоны до утра, Диана. Ты в каменном замке.

Глава 2. Хозяин гранита

Я потянулась к книгам на сосновой полке. Здесь стояли «Генетика высших базидиомицетов», труды на немецком и английском, журналы «Fungal Biology», а рядом — защищенный ноутбук и цифровые датчики.

— Вы... ученый? — поразила я. — Кандидат биологических наук, — ответил он. — Тимирязевка, микология. Защищался по симбиозу *Boletus edulis* с карельской березой. — И бросили Москву ради этих штолен? — Это идеальная биофабрика, Диана. В глубине круглый год около двенадцати градусов, влажность высокая. Режим поддерживать куда легче, чем в наземных теплицах. Воду пропускаю через фильтры и обеззараживаю перед подачей. То, что агрохолдинги заливают химией в теплицах, здесь растет в природной силе. Надевай чуни, сама увидишь.

Я допила настой и поставила чашку, придерживая ее обеими ладонями.

Фёдор достал из кованого сундука новые войлочные чуни ручной валки и толстые носки из мягкого козьего пуха. Шерсть ласково обняла раненую стопу. Я накинула овчинную безрукавку и вышла вслед за ним во внутреннюю дверь.

Впереди лежала черная бездна. Воздух был прохладным, кристально чистым, напоенным ароматом мха, хвои и орехового масла.

— Смотри, — Фёдор шагнул к распределительному щиту и опустил массивный медный рубильник.

Загудели стабилизаторы, щелкнули контакторы, и каскад сотен диодных агроламп вспыхнул ровным золотисто-розовым сиянием.

У меня перехватило дыхание. Перед нами открылся зал длиной более ста метров с гранитными сводами в два человеческих роста. Вдоль стен ярусами тянулись стеллажи из лиственницы, усыпанные карельскими белыми грибами выставочного качества. Толстые мраморно-белые ножки и тугие бархатистые шляпки шоколадного цвета отливали шелком. Я наклонилась к ближайшей шляпке, любуясь бархатистым краем. Под стеллажами зеленели маленькие березы, их стволики поднимались из глубоких контейнеров.

— Невероятно... — прошептала я. — Белый гриб не дает плодовых тел без живой корневой системы дерева! — Корни здесь живые, — ответил Фёдор, указав на контейнеры. — Березы и грибница растут вместе. Семь лет подбирал режим для этого штамма.

Он срезал ножом боровик размером с два кулака, разломил его и протянул мне: — Понюхай. Ищи селитру или аммиак.

Я вдохнула. Чистая лесная прохлада, сладкий дух прелых листьев и смолистая ореховая нота. — Попробуй.

Я отломил ломтик белоснежной мякоти. Гриб хрустнул, взрываясь насыщенным сладковато-ореховым соком. Это

был эталон, за который шефы Москвы отдали бы все. Но закупщик во мне взял верх: — Качество феноменальное. «Столичный Альянс» готов выкупить весь объем. Но по регламенту за опт и самовывоз мы требуем скидку тридцать процентов.

Фёдор убрал нож в ножны: — Скидок не будет, Диана Игоревна. В Москве за мороженую труху платят по четыре тысячи. Моя цена — три тысячи пятьсот рублей за килограмм отборного сырья. Не нравится — возвращайся к Вадиму с пустыми руками.

Он бил точно в цель. Я перевела дух: — Три пятьсот. По рукам. Но с полным эксклюзивом на Москву и Петербург. — Договорились, — кивнул он. — При условии официального контракта. — Официального? — усмехнулась я. — Без вывесок и налогов?

Фёдор вынул из папки на столе гербовый лист. Это был официальный патент на селекционный штамм «Вересовский-1» и документы кооператива «Онежский дар», дающего работу тридцати жителям окрестных поселков. Я прочла печать, фамилию владельца и регистрационный номер. Пальцы сами потянулись к карману пальто: документы такого поставщика стоило проверить всерьез.

Вдруг воздух прорезал визг аварийного зуммера. Стрелка индикатора воздушного потока упала на ноль. — Что это?! — Вентиляцию вырубил! — Фёдор взлетел по трапу к воздуховоду. — Сигнальный кабель перерублен! Оплетка еще

чистая на срезе. Похоже, шаховские псы пролезли до завала!

На дисплее росла температура двигателя: автоматика пыталась раскрутить вентилятор по ложному сигналу датчика. Срыв вентиляции грозил загубить всю партию. — Открой люк контроллера! — скомандовала я, сбрасывая безрукавку.

Инженер по автоматизации во мне проснулся мгновенно. Я вынула защищенный планшет и сервисный кабель из внутреннего кармана пальто, оставленного на лавке у входа. Пока Фёдор срывал крышку блока, я подключилась к плате. Зеленые строки побежали по экрану: за три минуты я переписала скрипт, отключив поврежденный датчик и задав постоянные рабочие обороты с сохранением защиты двигателя от перегрева. Нажала ввод.

Щелкнуло реле. Мотор сбросил обороты, вой сменился бархатистым гулом, и свежий воздух хлынул по галерее.

Фёдор медленно повернулся ко мне. В его глазах горело неподдельное уважение: — Вот это начальница. Три минуты — и ферма дышит. Его ладонь на миг сжала мое плечо, обдав жаром сквозь ткань блузки. Сердце забилося чаще от сладкой гордости.

Воздух снова тянулся к вентиляционной решетке. Я посмотрела на пустое место у локтя и вспомнила, чем заслонялась от камней.

— Фёдор, мой кейс, — вспомнила я. — Он остался у завала в лотке. Там оригиналы доверенностей и гарантийное письмо на пять миллионов аванса. Они нужны для подписа-

ния сделки. Вересов нахмурился: — Камнепад опасен. Сиди здесь, я схожу. — Нет, я знаю точное место. Иду с тобой!

Он взглянул мне в глаза и кивнул: — Шаг в шаг за мной. На камни не наступать.

Взяв лом, галогеновый прожектор и дав мне налобный фонарь, он повел меня обратно в темный штрек. Фёдор шел бесшумно, заслоняя меня широкой спиной, а я старалась ставить ноги туда, куда он указывал фонарем.

Мы подошли к завалу. Вересов направил луч на уцелевшие дубовые стойки оклада и окаменел: нижний торец несущего бруса был срезан под углом сорок пять градусов. Срез был гладким — стойку подпилили профессиональной цепной пилой почти на три четверти толщины перед самым обвалом. — Ублюдки, — глухо выдохнул Фёдор. — Стойку подпилили. Подстроенный завал. Теперь ясно, почему Михалыч ударил именно в эту стойку.

— Вот сумка! — я указала на угол кожи под щебнем. Кейс намертво придавило полуторатонным валуном. — Отойди, — скомандовал он.

Фёдор завел лом под камень, уперся в головку рельса и навалился на рычаг всем весом. Жилы на его шее вздулись, брезент куртки затрещал. Глыба со стоном приподнялась на пять сантиметров. — Тяни!

Я потянулась вперед, рванула ручку, и кейс выскользнул из капкана. Фёдор ослабил рычаг, и валун с грохотом рухнул обратно. Документы были спасены.

Опустив фонарь в расщелину за стойкой, я заметила тусклый блеск и вытянула помятый литровый термос из нержавеющей стали: — Посвети сюда... — Михалыча поилка, — узнал Фёдор. — Видно, выронил, когда драпал. Он как раз у этой стойки был.

Я провела салфеткой по донышку термоса, смывая бурую цепную смазку, и замерла. Под грязью обнажился синий промышленный штамп: «Лесопильный цех № 2 — ИП Шахов А.В.»

— Это надо показать следователю, — мой голос зазвенел. — Подпиленная балка и вещь с шаховской пилорамы рядом. Я расскажу, как Михалыч толкнул стойку. Пусть проверяют обоих.

В этот миг снаружи раздался страшный металлический грохот. Земля задрожала: сквозь камни взревел тракторный дизель, и тяжелый ковш со скрежетом ударил в породу. Фёдор заслонил меня, вскинув лом: — Кто там?! — крикнул он в щель.

Но следом сквозь расселину пробился хриплый деревенский голос: — Фёдор! Василич! Живой?! Фёдор опустил лом: — Егор! Я здесь! — Слава те господи! — закричал тракторист. — Михалыч по пьяни в кабаке растрепал, что тебя со столичной завалило! Я «Беларус» с лесопилки угнал, ковш навесил и сюда! Мужики с карабинами дорогу перекрыли, Шаховских бандитов близко не подпустим!

— Егор, не трогай завал! — крикнул Фёдор. — Замковая

плита лопнула, тронешь — весь портал осядет! — Да гидравлика уже кипит, Василич! — отозвался тракторист. — Плита поперек легла, до рассвета без крана не растащить! — Глуши мотор, Егор! Ставь трактор поперек дороги на развилке! Никого не пускать к portalу! И сразу вызывай спасателей, у Дианы нога порезана! Мы в тепле, дождемся! — Понял, Василич! Сверху позвоню! Держитесь там!

Трактор заурчал и удалился на подъем. Наступила тишина.

Фёдор повернулся ко мне. В свете прожектора его лицо казалось высеченным из гранита: — Выход закрыт до утра, Диана. Мы отрезаны от мира. Хутор на осадном положении. Я посмотрела на термос с уликой и в его надежные серые глаза, прижала кейс к груди. До утра предстояло ждать, зато рядом с ним я наконец могла выдохнуть.

— Значит, до утра, Фёдор Васильевич.

Мы вернулись в теплый модуль. Фёдор задвинул дубовый засов на двери. В печи трещали сосновые угли, разливая янтарный свет. Впереди была долгая ночь в каменном замке — ночь наедине.

Глава 3. Рубаха великана

Я проснулась от теплого, умиротворяющего запаха свежего хлеба и смолистого соснового дыма. Кирпично-гранитная печь в углу жилого бокса мягко отдавала накопленный за ночь сухой жар, разгоняя подземную сырость. Я приподнялась на широких сосновых полотах, сбросив тяжелый овчинный тулуп, и осторожно пошевелила левой ногой. Вчерашняя рана отзывалась при каждом движении, зато озноб прошел. Я проверила повязку: сухая.

Натянув носки и войлочные чуни, я осторожно подошла к веревке у дымохода. Мое кашемировое пальто и шелковая офисная блузка все еще были влажными, безнадежно испачканными серой известковой пылью вчерашнего обвала. Надеть этот грязный панцирь значило вернуть вчерашний ужас беспомощности.

На крышке кованого сундука лежала аккуратная стопка: плотная мужская рубаха из мягкой фланели в крупную лесную клетку и толстые вязаные гетры из неокрашенной серой шерсти. Я скинула остатки разорванного капрона и скользнула в рубаху. Рукава пришлось подвернуть на три широких оборота, подол опустился почти до колен, обволакивая тело сухим запахом сосновой коры, лугового мыла и чистого мужского тепла. Я запахнула безразмерную рубаху великана, уткнулась носом в мягкий ворот. Здесь можно было греться,

просыпаться медленно и ждать, когда он вернется.

Скрипнув тяжелой деревянной дверью, я вышла на дощатый помост, ведущий в коридор штольни. Под скальным козырьком мерцала керосиновая лампа. Глухие, размеренные удары разносились гулким эхом под вековыми сводами каменоломни.

Я сделала осторожный шаг в войлочных чунях, но мелкий гравий предательски хрустнул под ногой. Стальной колун замер в воздухе. Фёдор, обнаженный по пояс, с блестящими от пота рельефными плечами и могучей спиной, резко развернулся на пятках.

Я замерла на верхней ступени, чувствуя, как горячая краска заливает щеки. Фёдор опустил колун на массивную сосновую колоду, и его суровое лицо осветилось открытой, теплой улыбкой: — Рубаха пришлась впору. Тепло держит? Нога как? — При ходьбе болит, зато согрелась, — смущенно ответила я, поджимая пальцы. — Вы всегда так рано встаете? Здесь ведь даже солнца не видно. Фёдор усмехнулся в русую бороду, вытирая ладонь о край брезентовых штанов: — Камень и тайга рассвет внутри чувят. Утро пришло — значит, надо печь кормить и гостью греть. Пойдем к колодцу, ледяной водой заспанность снимешь.

Он подвел меня к естественному шурфу в глубокой скальной расселине. На кованой цепи поднималось ведро, полное темной, зеркальной воды. Я попыталась сама перехватить дужку, желая доказать независимость, но ледяная влага мо-

ментально обожгла пальцы судорогой, и ведро накрылось над черной бездной.

Фёдор шагнул вперед, оказавшись вплотную за моей спиной, и его широкие горячие ладони накрыли мои пальцы на металле. Его мускулистая грудь прижалась к моим лопаткам, сквозь тонкую фланель я ощутила мощный жар его тела и стук сердца. Тяжесть ведра исчезла, словно растворившись в его колоссальной силе. Я отпустила дужку. Фёдор поставил ведро на выступ, оставшись за моей спиной, и я еще мгновение чувствовала тепло его груди.

Мы вернулись в горницу. Я морально приготовилась жевать черствые сухари или холодную тушенку — привычный рацион глухих таежных зимовий. Но Фёдор подошел к печи, подцепил деревянной хлебной лопатой и переложил на широкую липовую доску круглый, пышущий жаром подовый хлеб на диком хмелю с хрустящей, лопающейся корочкой. Следом на столе появился пузатый глиняный горшок с рассыпчатой пшенной кашей, томленной на топлёном молоке с лесной брусникой и очищенными кедровыми орехами.

Божественный аромат выпечки снес все мои столичные диеты. Я отломил кусок хрустящей коричневой корочки, зачерпнула янтарную кашу и отправила в рот. Корочка с сочным хрустом поддалась на зубах, кисло-сладкая брусника взорвалась соком, смешиваясь со сливочной нежностью каши и маслянистым кедровым зерном. Я тихо застонала от чистого гастрономического восторга, забыв обо всех ресто-

ранных приличиях.

Фёдор налил мне в чашку горячий взвар из шиповника: — Что заставило тебя, столичную начальницу, лезть в темную штольную в октябрьскую метель на двенадцатисантиметровых каблуках?

Я посмотрела в его ясные серые глаза и выложила все: о травле заместителя директора Вадима, о фальшивых накладных, о попытке подставить меня под аудит и лишить доброго имени. — Этот контракт — мой единственный шанс доказать совету директоров свою правоту. Иначе меня просто сотрут в порошок.

Фёдор молча выслушал, затем накрыл край моего кожаного кейса с бумагами своей ладонью и мягко сдвинул его в сторону: — Бумаги подождут, Диана. Ты все еще дрожишь изнутри, а в волосах каменная пыль вчерашнего завала. Тепло должно забыть пережитый страх. Пойдем, я покажу тебе сердце нашей горы.

Фёдор натянул свитер, убрал посуду и принес налобные фонари. Я поправила гетры и взялась за его локоть.

Мы свернули в потайной наклонный штрек, уходящий вглубь гранитного монолита. С каждым шагом воздух становился все теплее, наполняясь шепотом струящейся воды и клубами белого пара.

На крутом повороте нога в войлочной чуне поехала по влажному известковому натеку. Я вскрикнула, теряя равновесие над темным провалом, но Фёдор мгновенно подхва-

тил меня под мышки, оторвал от пола и бережно перенес через каменный порог, опустив на сухую базальтовую плиту у кромки природного бассейна.

Перед нами открылся величественный купольный грот. В каменной чаше плескалась хрустальная, кристально-чистая заводь, на дне которой мягко мерцали черные шунгитовые плиты. Я с опаской опустила пальцы в воду: она оказалась шелковистой, ласковой и горячей. На стене виднелись трубы теплообменника. Фёдор заметил мой взгляд: — Родниковая. Грею от генератора, чтобы тепло зря в трубу не уходило.

На мгновение внутри шевельнулась паника: мы одни в полумраке замкнутой пещеры, вдали от всего мира. Фёдор развернул широкое льняное полотно на деревянной перекладине, создавая надежную ширму, и отвернулся к каменной полке, доставая массивный кедровый ушат и брусок натурального мыла на березовом дегте.

Сбросив фланелевую рубашу, я села на деревянную скамью у кромки, оставив перевязанную ногу на сухом полотенце. Фёдор поставил рядом ушат теплой воды. Я омыла лицо, грудь, руки. Живительное тепло отпускало сведенные мышцы, по телу разлилась истома. Я попыталась зачерпнуть воду, чтобы смыть въевшуюся в лопатки гранитную пыль, но ноющее плечо прострелило острой болью от недавнего ушиба.

Фёдор услышал мой судорожный вздох. Взяв тяжелый кедровый ковш, он опустил на одно колено у кромки купели: — Позволь мне. Не дергайся.

Широкая, щедрая струя теплой воды хлынула на мои плечи и шею, унося серые потеки каменной пыли. Затем его пальцы, взбив густую пену с терпким ароматом березового дегтя и смолы, мягко коснулись напряженных трапециевидных мышц у основания моей шеи.

Электрическая дрожь прошла меня от затылка до кончиков пальцев ног. Я невольно запрокинула голову, прижавшись мокрым затылком к его предплечью. Фёдор замер на долю секунды, его дыхание стало глубоким и прерывистым. Провел ладонью от шеи к здоровому плечу; ушибленное только осторожно омыл. Я прижалась к нему сильнее, позволяя себе эту слабость.

В клубах теплого пара звенела наэлектризованная тишина, нарушаемая лишь мерным плеском родника и нашим учащенным дыханием. Я повернула лицо, встретившись с его темными, расширенными зрачками, в которых мерцал отблеск фонаря. Я задержала его взгляд. Он опустил ковш на камень и остался рядом — так близко, что мне хотелось коснуться его губ.

Когда я медленно поднялась со скамьи, Фёдор распахнул сухое льняное полотно, перехватил меня за талию и прижал к своей груди, укутывая в плотную ткань. Прижимаясь к его сильному, горячему телу, я впервые почувствовала себя по-настоящему желанной, прекрасной и защищенной от любых бурь внешнего мира.

Он подал мне сухую рубаху и отвернулся. Я затанула на

талии пояс, надела носки и чуни и вошла вслед за Фёдором в центральную производственную штольню. Под мягким золотисто-розовым сиянием сотен светодиодных агроламп рядами уходили вдаль безупречно выстроенные стеллажи из темной лиственницы. На термометре у входа было двенадцать градусов. Воздух пьянил чистейшим ароматом соснового бора.

Я взяла плетеный короб и потянулась к тугому боровику, намереваясь привычно выкрутить его из субстрата. Фёдор мягко перехватил мое запястье: — Стой. Потянешь с комом — разворошишь весь субстрат. Срезай у основания и береги соседние грибы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.